

Под портретом Николая Радлова работы Георгия Верейского помещены радловские шаржи на деятелей культуры того времени. Below Georgy Vereisky's portrait of Nikolai Radlov are Radlov's own caricatures of cultural figures of his time.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ ALEKSEY TOLSTOY

МИХАИЛ ФРОМАН MIKHAIL FROMAN

БОРИС ЭЙХЕНБАУМ BORIS EICHENBAUM

АНАТОЛИЙ ЛУНАЧАРСКИЙ ANATOLY LUNACHARSKY

ОЛЬГА ФОРШ OLGA FORSH

«Позорное существование в стороне от авангардов»

Тамара ИСМАГУЛОВА / by Tamara ISMAGULOVA

“A shameful existence away from the avant gardes”

В Доме Искусств писатель Михаил Зощенко славился нелюдимым характером. Но среди гостей, приходивших сюда, нашелся один, который не только близко сошелся со знаменитым сатириком, но и стал его соавтором. Это был художник и искусствовед Николай Эрнестович Радлов. Вместе они выпустили две шумевшие книжки – «Веселые проекты» (1928) и «Счастливые идеи» (1931). Обложки обеих украшали шаржированные изображения авторов, талантливо набросанные «пером художника Радлова».

Among the inhabitants of the House of Arts the writer Mikhail Zoshchenko was noted for his unsociable character. But among the guests who came to visit there was one who not only became close friends with the famous satirist, but even became his co-author. This was the artist and art-historian Nikolai Ernestovich Radlov. Together they published two much talked-of books – Jolly Projects (1928) and Happy Ideas (1931). The covers of both were adorned with caricatures of the authors from the gifted “pen of the artist Radlov”.

На обложке альбома карикатур Радлов изобразил себя и Михаила Зощенко, который дал картинке такую подпись: «Молодые энергичные ученые зарисованы в своем кабинете на Мойке. Там же сдается угол холостому научному сотруднику или кустарю-одиночке».

On the cover of the album of caricatures Radlov depicted himself and Mikhail Zoshchenko, who gave the following caption to the picture: “Young energetic scholars drawn in their study on the Moika. A corner is available for rent there to a bachelor research worker or a lone craftsman.”

ТАЛАНТ С ДВОЙНЫМ ДНОМ

Те, кто был знаком с Николаем Эрнестовичем, отмечали некую двойственность в его жизни и характере. Противоречия как будто были неотъемлемой частью его личности. Корней Чуковский о нем писал:

«Когда я с ним познакомился, это был эстет из „Аполлона“, необыкновенно опроборенный и тонкий. Несколько вялый, но изящный писатель. Потом „в незабываемые годы“ это был муж стареющей и развратной, пьяной, крикливой и доброй жены, которая никак не подходила к нему – и нарушала все его эстетство. Он казался „бывшим человеком“, очень потертым, долго не умел приклеиться к революции и без конца читал английские романы – все равно какого содержания.

Теперь он к революции приклеился: вдруг оказался одним из самых боевых советских карикатуристов, халтурящих в „Бегемоте“, в „Смехаче“ и в „Красной“ («Красная газета». – Т. И.). Количество фабрикуемых им карикатур – грандиозно. Я спросил вчера:

– Какую манеру (рисунка) вы предпочитаете?

– Ту, которая скорее ведет к гонорару!

Но как не похожа его жизнь на те „Смехачи“, которых он – неотделимая часть. Великолепная гостиная, обставленная с изысканнейшим вкусом, множество картин и ковров, целая „анфилада“ богато

TALENT WITH TWO SIDES TO IT

People who knew Nikolai Ernestovich spoke of a certain duality in his life and character. Contradictions were apparently an inseparable part of his personality. Kornei Chukovsky wrote of him:

“When I first met him he was an aesthete from [the periodical] *Apollon*, slender with an unusual hairstyle. A somewhat insipid, but refined writer. Then “in those unforgettable years” he was the husband of an ageing, depraved, drunken, loud-mouthed and good-natured wife, who did not suit him at all – and destroyed all his aestheticism. He seemed “a man of the past”, very shabby. For a long time he could not fasten onto the revolution and constantly read English novels with no regard for the content.

“Now he has fastened onto the revolution, suddenly emerging as one of the most militant Soviet cartoonists, working for *Begemot*, *Smekhach* and the *Krasnaya* [gazeta]. The number of cartoons he has produced is tremendous. I asked him yesterday, “What manner (of drawing) do you prefer?” – “The one that brings the fee quickest!”

убранных комнат, — все это страшно под- ходит к его вялой, небрежной, аристо- кратической, изящной фигуре».

Эта двойственность прошла по всей биографии Радлова. Сын профессора фи- лософии и директора Публичной би- блиотеки, он поступил в Императорский университет на историко-филологиче- ский факультет. А потом вдруг увлекся ри- сованием (может быть, проявилась на- следственность со стороны матери, двоюродной сестры Михаила Врубеля) и параллельно начал заниматься в Акаде- мии художеств, в мастерской Дмитрия Кардовского, где его товарищами стали будущие «сатириконовцы»: Александр Яковлев, Николай Ремизов (Ре-ми), Петр Шухмин. Карикатуры и рисунки студен- тов начали появляться в журналах.

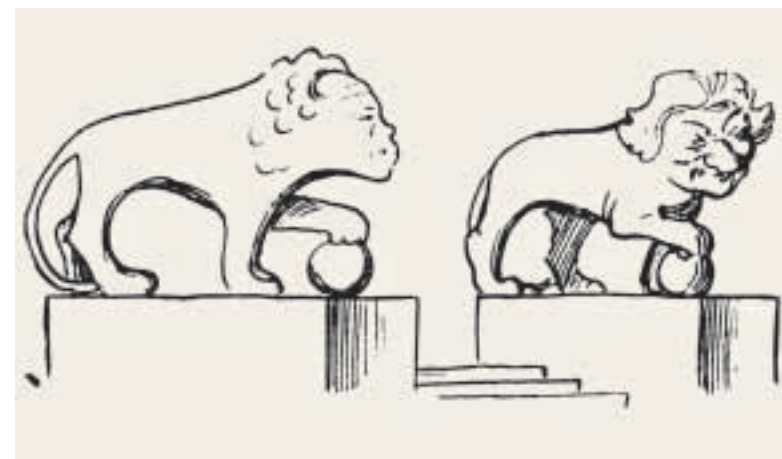
В то же время у Радлова выходили науч- ные статьи, и не где-нибудь, а в «Изве- стиях Археологической комиссии». Не чужд был Николай Радлов и организатор- ской работе: в 1910 году он оказывал дея- тельную помощь графу Валентину Зубову в открытии первого в России Института истории искусств.

ДВА ЛИЦА С ОДНИМ ЯЗЫКОМ

Отец Радлова, Эрнест Львович (Лео- польдович), был, по словам Чуковского, «вылитой копией сына». Философ и ис- торик философии, он, будучи автором

Революции и Граждан- ская война привели Россию к хозяйственной разрухе: не действовали предприятия, транспорт и, конечно, коммуналь- ные службы. На карике- туре Радлова призрак Пушкина с лопатой на плече вопрошает: «А не расчистить ли народную тропу?»

The revolution and Civil War caused economic ruin in Russia: the factories were closed, transport and municipal services did not operate. In Radlov's cartoon the ghost of Pushkin with a spade over his shoulder is asking, "Should I clear the peo- ple's path?"

В газете «Литературный Ленинград» публиковалась серия шаржей, на которых писатели изображались в виде памятников города. Своих друзей Ольгу Форш и Юрия Тынянова Николай Радлов стилизовал под «Сторожевых львов» на Исаакиевской площади.

The newspaper *Literaturny Leningrad* published a series of caricatures in which writers were depicted in the guise of city monuments. Nikolai Radlov turned his friends Olga Forsh and Yuri Tynianov into the "Guardian Lions" on St Isaac's Square.

Михаил Зощенко. Шарж на люби- мого соавтора Радлов включил в книгу «Воображаемые портреты». Mikhail Zoshcheko. Radlov included this caricature of his dearly-loved co-author in the book *Imaginary Portraits*.

более двадцати книг на русском и немец- ком языках, имел «общеевропейскую из- вестность». Отец и сын Радловы удивляли не только внешним сходством, но и осо- бым чувством юмора. Чуковский вспоми- нал забавный рассказ Эрнеста Радлова о том, как комиссия из четырех врачей ос- матривала его, чтобы установить нетру- доспособность — для получения пенсии:

«— Высуньте язык! — сказал один. Я вы- сунул, он очень одобрил мой язык, а в своем рапорте написал: „Язык свисает влево“. Как у собаки! Каков негодяй!».

Отец был еще одной ниточкой, связав- шей Радлова с Зубовским Институтом ис- тории искусств. Как член правления Фи- лософского общества при Петроград- ском университете, Эрнест Радлов был организатором нового издательства, впо- следствии получившего славное имя «Academia» и вошедшего в 1923 году в со- став Зубовского Института. В этом изда- тельстве редактором искусствоведе- ской секции работал Николай Радлов.

О ФУТУРИЗМЕ И ВРАЩЕНИИ ГОГОЛЯ В МОГИЛЕ

Два дворца Санкт-Петербурга стали как будто воплощением двойственной природы Радлова: в Зубовском Инсти- тUTE на Исаакиевской площади он был про- фессором и искусствоведам, занимал там важные посты проректора и ученого се- кретаря, а в Доме Искусств, знаменитом

TWO FACES WITH A SINGLE TONGUE

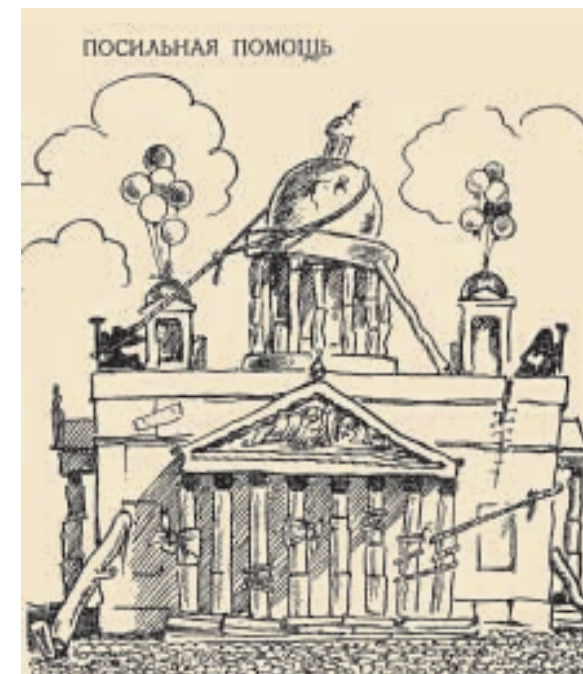
Radlov's father, Ernest Lvovich (Leo- poldovich) was, in Chukovsky's words, "the spitting image of his son". He was a philo- sopher and historian of philosophy, the author of more than twenty books in Russian and German, with a "Europe-wide reputation". The Radlovs, father and son, surprised people not only with their visual similarity, but also with their distinctive sense of humour. Chukovsky recalled Ernest Radlov's funny account of how a commission of four doctors examined him so that he could claim a pension as an invalid:

"Stick out your tongue," one said. I stuck it out. He greatly approved of my tongue, and wrote in his report: "The tongue hangs to the left." Like a dog's! What a scoundrel!"

Radlov's father was one more thread link- ing him to the Zubov Institute of the His- tory of the Arts. As a member of the board of the Philosophical Society attached to Petro- grad University, Ernest Radlov was the organizer of a new publishing house that later became famous under the name *Acade- mia*, which in 1923 became part of the

Автопортрет Радлова 1914 года свидетель- ствует о прекрасном владении рисовальной техникой.

Radlov's self-portrait of 1914 is evidence of his superb mastery of drawing technique.

В книжке «Веселые про- екты» Радлов предложил «меры» по укреплению Исаакиевского собора в ответ на преувеличе- но панические сообще- ния о его разрушении. Зощенко сопроводил рисунок такими словами: «Рушится памятник старины! Оседает гениальный Исаакиев- ский собор. Оказыва- ется, почва Ленинграда не приспособлена под такие монументальные сооружения. Чего смотрели цари с высоты своих тронов?»

In their humorous book *Jolly Projects* Radlov suggested measures that might be taken to shore up St Isaac's Cathedral in the light of panic-mong- ering reports of its imminent collapse.

Николай Радлов называл карикатуру «искусством чистого представления». Шаржи на Корнея Чуковского и Юрия Тынянова (справа) превосходно отражают характеры литераторов.

Nikolai Radlov described caricature as "the art of pure presentation". His depictions of Kornei Chukovsky and Yuri Tynianov (right) superbly reflect the character of those writers.

ДИСКе, — всего лишь веселым пассажиром «сумасшедшего корабля» и автором его знаменитого изображения.

Студентка института, дочь известнейшего столичного фотографа Ида Нappelbaum, из всех преподавателей выбрала именно Радлова, предпочла заниматься у него, а не у самого Зубова, поскольку «увлекалась новой живописью XIX века — импрессионизмом». Но не только по этой причине: «Все его ученицы, конечно, были в него влюблены, но он был недоступен, замкнут, холодноват. Изысканно одет, светски вежлив, славился как первый танцор на вечерах. Он жил с семьей в кулуарах дворца. Зубов взял эту семью к себе, спасая от холода и неустроенности городской жизни».

Однако один из создателей Института истории искусств, имеющего репутацию цитадели формализма, и близкий друг его директора, графа Зубова, Радлов последовательно выступал против авангардных течений и находился в самой гуще теоретических споров, которые непрерывно вспыхивали в институте.

В 1923 году Радлов выпустил программную книгу «О футуризме», которую начал так: «Мужчина, лет тридцати пяти, нормально сложенный и серьезный, грунтует холст цинковыми белилами, старательно вычерчивает на нем черный квадрат и, обравив, вешает на выставку

«Метод карикатуры сродни декоративному египетскому искусству, детскому рисунку и искусству классических академий».

Николай Радлов

“The method of caricature is akin to Egyptian decorative art, children’s drawings and the art of the classical academies.”

Nikolai Radlov

Граф Валентин Зубов (1884 — 1969) — основатель первого в России Института истории искусств. Фотография Александра Оцупа. 1912 год.

Count Valentin Zubov (1884—1969) — the founder of Russia’s first Institute of the History of the Arts. Photograph by Alexander Otsup. 1912.

Институт истории искусств был открыт в фамильном особняке графов Зубовых на Исаакиевской площади в марте 1912 года.

The Institute of the History of the Arts was opened in the Zubovs’ family mansion on St Isaac’s Square in March 1912.

«Сухой веткой пышного дерева искусства» назвал Николай Радлов модное течение — футуризм. Он сравнивал футуризм с передвижничеством, потому что «и то, и другое вдохновляется идеями, внеположными самому искусству».

“A dry branch of the succulent tree of art” was Nikolai Radlov’s verdict on the then fashionable trend of Futurism. He compared Futurism with the Itinerant movement because both “took inspiration from ideas external to art itself.”

Zubov Institute. Nikolai Radlov worked in the publishing house as editor of the art-studies section.

ON FUTURISM AND GOGOL TURNING IN HIS GRAVE

Two St Petersburg mansions became the sort of embodiment of Radlov’s dual nature: at the Zubov Institute on St Isaac’s Square he as a professor and art scholar, while in the House of the Arts, the celebrated DISK, he was only a jolly passenger on and the creator of the famous depiction of the “crazy ship”.

Ida Nappelbaum, the daughter of a very famous St Petersburg photographer and a student at the institute, chose Radlov from all the lecturers, preferring to study under him rather than under Zubov himself, because she was “fascinated with the new painting of the nineteenth century — Impressionism”. But that was not the only reason: “All his female students were, of course, in love with him, but he was inaccessible, withdrawn, cool... He lived with his family “backstage” in the mansion. Zubov had taken the family in, saving them from hunger and the disorder of life in the city.”

за полной подписью и с приложением краткой, но настойчивой рекомендации. Другой... делает чернильную кляксу на листе бумаги... и отправляет в редакцию журнала для распространения по России в количестве двух тысяч экземпляров. ...Я хорошо знаю, что найдется третий интеллигентный и здоровый мужчина, который подвергнет критическому анализу оба произведения и установит, на страх врагам, наличие новой формы...» Себя же он отнес к тем, кто «принужден влачить позорное существование в стороне от авангардов художественной мысли». Мы не знаем, подарил ли он экземпляр этой книги герою первой страницы — Казимиру Малевичу, мастерская которого позднее вошла в состав института. Но другому его сотруднику и теоретику театрального авангардизма, Алексею Гвоздеву, он ее подарил (этот экземпляр сейчас хранится в институтской библиотеке). С ним Радлов неоднократно спорил о спектаклях Всеволода Мейерхольда и в «Красной газете» опубликовал карикатуру, на которой Гвоздев, с ангельскими крыльями за спиной, надевает на голову Мейерхольда лавровый венок. Вместе с Зощенко Радлов предлагал для создания вечного двигателя использовать «вращение Гоголя в своей могиле по поводу постановки его „Ревизора“ нашим гениальным современником».

ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА

На его известном рисунке вдоль палубы «сумасшедшего корабля» разместились несколько пассажиров, которые также служили вместе с художником в Зубовском Институте, в том числе Николай Гумилев, которого связала с Радловыми дружба и история одного портрета поэта.

Чету Гумилевых изображали и учителя Радлова, художники Дмитрий Николаевич Кардовский и его жена, Ольга Львовна (их работы сейчас хранятся в Третьяковской галерее), а сам Радлов шуточно нарисовал поэта во время его африканских странствий — верхом на «изысканном» жирафе, ведущем на поводке лохматого льва. Несколько лет спустя вторая жена Радлова, художница Надежда Шведе-Радлова, которая победила всех институтских студенток в соревновании за руку и сердце любимого педагога, выполнила свой портрет Гумилева.

В мастерскую Наппельбаума Радловы принесли портрет, чтобы сделать с него фотоснимок, и оставили его там — вероятно, они остерегались держать его у себя». Фотограф отдал его дочери. Портрет повесили в комнате ее мужа, поэта Михаила Фромана.

«Однажды я пришла с работы домой, — вспоминала Ида Моисеевна, — и замерла от удивления — мой муж с искаженным, побелевшим лицом сидел на полу, держа

«Его шаржи вызывают у меня восхищение. Он отличается озермой зрительной памятью и чрезвычайно остро ощущает квинтэссенцию данного лица. Глаз у него лучше, чем рука».

Корней Чуковский

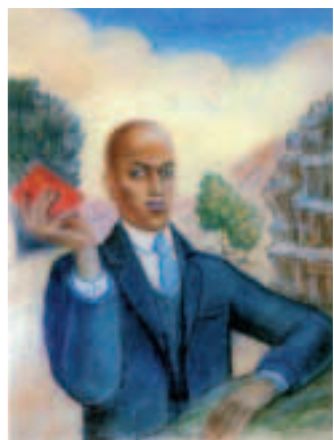
“I admire his caricatures. He stands out for his tremendous visual memory and senses very acutely the quintessence of the given person. His eye is better than his hand.”

Kornei Chukovsky

Негатив и восстановленный портрет Николая Гумилева, история которого перекликается с трагической судьбой поэта.

The negative and recreation of the portrait of Nikolai Gumilev, the history of which echoes the tragic fate of the poet himself.

в руках портрет. Он сдирал холст с подрамника. Потом большими, длинными редакционными ножницами он начал кропать полотно на куски. Я в отчаянии закричала и опустилась тут же на пол.

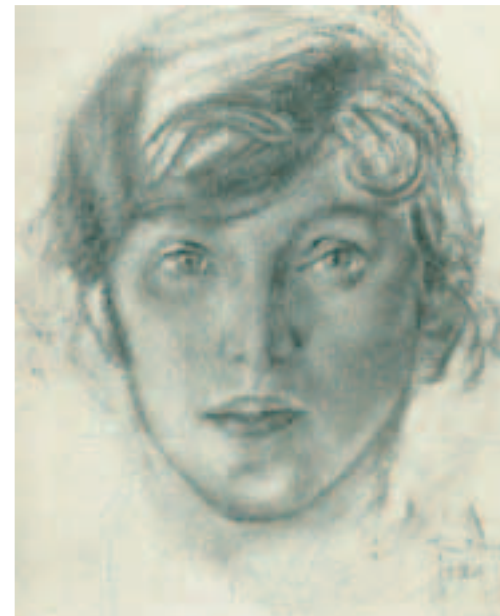
— Так надо, — еле слышно произнес Фроман, — уже им интересуются, спрашивают людей.

Потом куски холста свернули в рулон и унесли туда, где можно было их сжечь.

Он горел, он дымил, он корчился в тисках огня, он всполошил запахом масляной краски не только жильцов квартиры, но и соседей по дому. К счастью, я всего этого не видела».

Это было в 1937 году. Ученицу Радлова и Гумилева Иду Наппельбаум арестовали в 1951 году, и поводом для ареста был этот портрет. «Неважно, что портрета уже четырнадцать лет не существует, а героя портрета тридцать лет нет в живых, — говорила она, — удар пал на меня. И я приняла его».

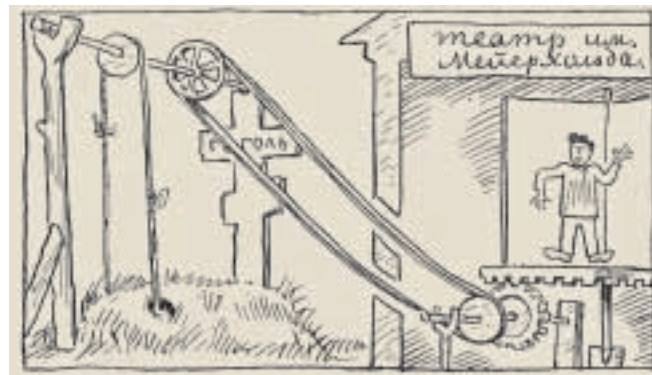
Вернувшись домой после четырех лет Озерлага, она каждый апрель тайно праздновала день рождения «своего мэтра». Нам, гостям этого тайного праздника, она показала «возрожденный из пепла» заветный портрет — он был восстановлен, как сказала Ида Моисеевна, «художницей Фаней Львовной Вязьменской по сохранившемуся фотоотпечатку и по моим подсказкам».

Надежда Шведе-Радлова, вторая жена художника. Портрет Николая Радлова. Сангина. 1920 год. Nadezhda Shvede-Radlova, the artist's second wife. Sanguine portrait by Nikolai Radlov. 1920.

Справа. «Перпетуум-гоголе» — вечный двигатель с использованием «энергии вращения Гоголя в своей могиле» из-за постановки его пьесы «Ревизор» в театре Мейерхольда.

Right. “Perpetuum Gogole” — perpetual motion using “the energy of Gogol turning in his grave” on account of the production of his play *The Government Inspector* in Meyerhold's theatre.

«Ты сам свой высший суд!» Карикатура на Мейерхольда, который сам устанавливает законы, сам их нарушает и сам судит себя. “You are your own supreme court!” Caricature of Meyerhold, who sets the rules himself, breaks them himself and then judges himself.

Дружеский шарж на «африканца» Николая Гумилева: в руках у поэта — копье, на плечах — шкура, в носу и ушах — кольца, а в правом глазу — монокль. A friendly caricature of the “African” Nikolai Gumilev: the poet is holding a spear, has a skin over his shoulders, rings in his nose and ears and a monocle in his right eye.

Although he was one of the creators of the Institute of the History of the Arts, reputedly a citadel of Formalism, and a close friend of its director, Radlov spoke out against avant-garde tendencies.

In 1923 he published the programmatic book *On Futurism* that began like this: “A man of about 35, of normal build and serious, primes a canvas with zinc white, carefully draws a black square upon it, frames it and hangs it in an exhibition with his full signature and a brief, but insistent recommendation attached. Another ... makes an ink blot on a piece of paper ... and sends it to the editors of a periodical for distribution around Russia in 2,000 copies... I know full well that a third will appear, a well-bred, healthy man, who will produce a critical analysis of both works and affirm the presence of a new form to the dismay of enemies...” He included himself among those who “are obliged to live out a shameful existence away from the avant gardes of artistic thought.”

Radlov presented a copy of this book to Alexei Gvozdev, a member of the Zubov Institute staff and theoretician of the

theatrical avant-garde. The two had argued repeatedly about Meyerhold's productions and the *Krasnaya Gazeta* published a cartoon by Radlov showing Gvozdev with angel's wings on his back crowning Meyerhold with a laurel wreath. Together with Zoshchenko Radlov proposed using as a source of perpetual motion “Gogol turning in his grave because of our brilliant contemporary's production of *The Government Inspector*.”

THE TRAGIC TALE OF A PORTRAIT

Radlov's famous drawing of the “crazy ship” had on the deck several passengers who worked like him at the Zubov Institute, including Nikolai Gumilev who was connected to Radlov by friendship and a particular portrait of the poet.

The Gumilevs, husband and wife, were depicted by Radlov's teachers, the artists Dmitry Kardovsky and his wife, Olga, while Radlov himself jokingly drew the poet during his “African wanderings” riding on a giraffe and holding a shaggy lion on a lead. A few years later Radlov's second wife, the artist Nadezhda Shvede-Radlova, who beat

all the female students of the institute in the competition for the heart and hand of their beloved lecturer, produced her own portrait of Gumilev.

The Radlov's brought the portrait to Nappelbaum's studio so as to make a photograph of it, and left it there “probably wary of keeping it at home”. The photographer gave it to his daughter and it was hung in the room of her husband, the poet Mikhail Froman. ‘One day I came home from work,’ Ida Moiseyevna recalled, ‘and was shocked rigid — there was my husband sitting on the floor with a pale, twisted face holding the portrait. He tore the canvas from the stretcher. Then with a pair of big, long editor's scissors, he began to hack the canvas to pieces. I cried out in despair and immediately dropped to the floor. “It has to be done,” Froman said barely audibly. “They are already interested in it, have been asking people.”’

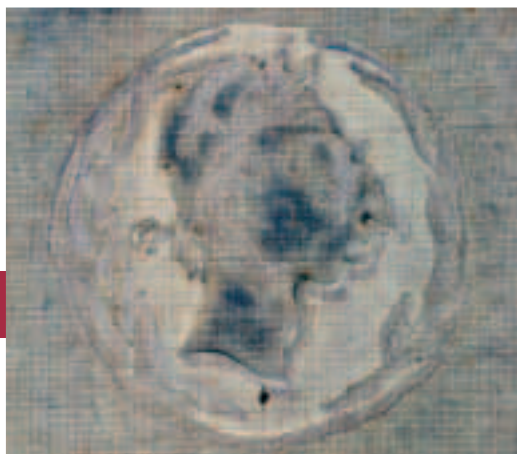
That was in 1937. Ida Nappelbaum, a student of Radlov and Gumilev, was arrested in 1951 — on account of that portrait. “It did not matter that the portrait had not been in existence for fourteen years, and its subject

Второй ее учитель, Николай Эрнестович Радлов, не дожил до этих дней. В 1942 году в Москве он попал под бомбежку и в канун 1943 года скончался от ран.

Недавняя находка

В 1933 году издательство «писателей в Ленинграде» выпустило книгу Николая Радлова «Воображаемые портреты». На ее обложке красовался очередной профильный автопортрет художника, заставляющий вспомнить знаменитое «медальное» изображение барона Мюнхгаузена. Книга состояла из забавных шаржей на известных ленинградских прозаиков, поэтов, литературоведов и наделала шума сразу после появления на прилавках магазинов. Мастера пера с невыходских берегов горячо обсуждали свои портреты, и, как заметил в дневнике Корней Чуковский, «каждый, изображенный в нем, хвалил карикатуры на других, но не на себя».

Недавно в одном из петербургских букинистических магазинов был обнару-

had been dead for thirty,” she said. “The blow fell on me. And I accepted it.”

After returning home from four years in the camps, Ida secretly celebrated the birthday of “her master” each April. She showed us, the guests at this secret feast, the cherished portrait “risen from the ashes” — it had been recreated, Ida Moiseyevna said, “by the artist Fanya Viazmenskaya from a surviving photographic print and my promptings.”

Her second teacher, Nikolai Radlov, was by then already dead. In 1942 he was caught in an air-raid in Moscow and succumbed to his wounds on the eve of the New Year, 1943.

A RECENT FIND

In 1933 the “Writers in Leningrad” publishing house produced Nikolai Radlov’s book *Imaginary Portraits*. The volume consisted of amusing caricatures of noted

жен экземпляры этой книги (предположительно из библиотеки самого Николая Эрнестовича Радлова), где ко многим карикатурам были от руки приписаны эпиграммы. Сотрудник Российской национальной библиотеки Михаил Эльзон предположил, что это был экземпляр подготовленного, но не вышедшего второго издания книги. Написал же эпиграммы некий Иннокентий Шпагин, на самом же деле поэт и журналист Иннокентий Басалаев (1897–1964), который был вторым мужем Иды Наппельбаум.

На рукописных страницах теперь рисунков Радлова, изображающих «горьковедом» Илью Груздева, сопровождали строчки:

Горькая услада

*Пусть каждый сохранил его
на книжной полке.*

*Он должен всякому ту истину внушить,
Что при уме достаточном и толке,
Питаюсь Горьким, можно сладко жить.*

Ленинградскому писателю Михаилу Слонимскому, автору романа «Средний проспект», досталась эпиграмма:

Среднее соответствие

*Не прохладно и не жарко.
Тускло? Нет. Но и не ярко.
Тупо? Нет. Но не остро.
Нет красот, но нет дефектов.
Словом, Среднему проспекту
Впошу среднее перо. ■*

Leningrad prose writers, poets and literary scholars and caused a sensation as soon as it appeared in the shops. The city’s literary elite heatedly discussed the portrait gallery and, as Kornei Chukovsky recorded in his diary, “each of those depicted praised the caricatures of the others, but not his own.”

Recently a copy of this book (presumably from Nikolai Radlov’s own library) was found in one of St Petersburg’s second-hand bookshops in which many of the caricatures are accompanied by hand-written epigrams. Mikhail Elson, a member of staff at the National Library of Russia, has suggested that this was a copy of the second edition that was prepared but never published. The epigrams were supposedly written by “Innokenty Shpagin” — in actual fact the poet and journalist Innokenty Basalaye (1897–1964), the second husband of Ida Nappelbaum. ■

Член группы писателей «Серапионовы братья» Илья Груздев выбрал себе вполне безопасную для тех лет литературную ниву — он писал о творчестве Максима Горького.

Ilya Gruzdev, a member of the Serapion brothers, chose a total safe field of literary endeavour for the period — he wrote about the work of Maxim Gorky.

«Серапион» Михаил Слонимский. «Он старался изо всех сил стать нормальным», — написал о нем Виктор Шкловский.

The “Serapion” Mikhail Slonimsky. “He tried with all his might to become normal,” Victor Shklovsky wrote of him.

Слева. Таким изобразил себя Николай Радлов на обложке книги «Воображаемые портреты».

Left. This is the way Nikolai Radlov depicted himself on the cover of *Imaginary Portraits*.